

Научная статья

УДК: 82.14

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-36-46

**Образ родины в лирике поэта Северо-Восточного Китая Му Мутяня
(на материале стихотворений сборника «Дрейфующее сердце»)****Ольга Евгеньевна Цмыкал¹, Фэн Ишань²**^{1,2}Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия¹olgatsmykal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7622-7437>²1024495050@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5823-1889>

Актуальность исследования определена интересом современной гуманитарной науки к процессам формирования этнического и национального сознания в Китае первой половины XX в., что определяет образы восприятия инокультуры и самовосприятия. Новизна состоит в обращении к полузабытому творчеству Му Мутяня, практически не знакомому русскоязычному читателю. Проблема заключается в определении коннотативных значений образа родины в творчестве Му Мутяня, отражающих сплав архетипических этнических представлений и новых установок национального сознания. Методология исследования базируется на лексико-семантическом анализе художественных текстов поэта, в которых репрезентированы разные коннотации образа родины. Используются биографический, культурно-исторический и структурно-семантический методы исследования, а также сопоставительный анализ перевода и оригинала исследуемых стихотворений. Авторы приходят к выводу, что образ родины в стихах, входящих в сборник «Дрейфующее сердце» Му Мутяня, проявляется чаще иносказательно, аллегорически. Название «Дрейфующее сердце» в полной мере отражает не только эмоциональное состояние поэта-эмигранта в период написания стихотворений, но и процессы формирования базовых фреймов национального сознания китайцев после Синьхайской революции, в период Гражданской войны. Несмотря на то что художественное мироощущение Му Мутяня поры изгнания тесным образом связано с японским эстетическим принципом *тополаaware*, эстетизирующим печаль, а также неотделимо от символистской тяги к «упадку», поэт вплавляет «китайское» видение данных принципов и проецирует их на представления о родных местах, родине своих предков, раздираемой противоборством между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая, декларирует веру в возрождение Китая как единого государства.

Ключевые слова: китайская поэзия, образ родины, формирование национального сознания, Маньчжурия, Гражданская война, образ восприятия «своего/чужого»

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

Original article

**The Image of the Homeland in the Lyrics of the Poet of Northeastern China Mu Mutian
(Based on the Poems from the Collection *Drifting Heart*)****Olga E. Tsymkal¹, Feng Yishan²**^{1,2}Amur State University, Blagoveshchensk, Russia¹olgatsmykal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7622-7437>²1024495050@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5823-1889>

The relevance of the study is determined by the interest of modern humanities in the processes of the formation of ethnic and national consciousness in China in the first half of the 20th century, which determine the images of perception of a foreign culture and self-perception. The novelty lies in the appeal to the half-forgotten work by Mu Mutian, practically unknown to the Russian-speaking reader. The problem lies in the definition of the connotative meanings of the image of the homeland in the works by Mu Mutian, reflecting the fusion of archetypal ethnic ideas and new attitudes of national consciousness. Research methodology is based on the lexical and semantic analysis of the poet's literary texts, which represent different connotations of the image of the homeland. The research methods we applied involved biographical, cultural-historical and structural-semantic ones. The authors also turned to the comparative analysis of the translation and the original of the poems studied. The authors came to the conclusion that the image of the homeland in the poems included in the collection *Drifting Heart* by Mu Mutian is often manifested allegorically. The name *Drifting Heart* fully reflects not only the emotional

© Цмыкал О. Е., Фэн Ишань, 2022

state of the emigre poet during the period of writing poems but also the processes of the formation of the basic frames of the national consciousness of the Chinese after the Xinhai Revolution during the civil war. Despite the fact that Mu Mutian's artistic perception of the world during the period of exile is closely connected with the Japanese aesthetic principle of *mono no aware*, aestheticizing sadness, and is also inseparable from the symbolist craving for "decline", the poet fuses the "Chinese" vision of these principles and projects them onto ideas about his native places, the homeland of his ancestors under the rule of Japan, declares faith in the revival of China as a single state.

Keywords: Chinese poetry, the image of the motherland, the formation of national consciousness, Manchuria, the civil war, the image of the perception of "ours/others"

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the RFBR grant No. 20-012-00318 "Images of Russia and China in artistic ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s – 1940s)".

Введение. Имя китайского поэта Му Мутяня (Цзилинь, 1900–1971) практически не знакомо русскоговорящей аудитории и не исследовано в российской науке. Между тем его творчество ярко отразило противоречивый дух эпохи формирования национального сознания китайцев, выяснения культурными элитами отношений с традицией и её корреляции с новациями. Му Мутян родился в порубежные годы, стал свидетелем мощных социально-культурных, этнокультурных и политических сдвигов, переживаемых в ту пору Китаем. После Синьхайской революции и «открытия» китайцами Европы, Америки, Японии, России кардинально меняется китайская этническая картина мира, раздвигаются смысловые границы веками складывающихся представлений об универсальных основаниях мироустройства, в частности, образе восприятия «своего/чужого». Одним из духовных концептов, подвергшихся трансформациям, становится образ родины – базовый фрейм китайского взгляда на мир [15]. Тому были внутривнутриполитические, социокультурные, а также внешнеполитические предпосылки.

В 1927 г. родина Му Мутяня, Маньчжурия, оказывается вовлечённой в борьбу между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая, приведшую и без того слабую страну к Гражданской войне. Для поэта, в те годы находящегося в Японии, эта ситуация наполняется особым драматизмом. В стихах конца 20-х – начала 30-х гг. впервые появляется образ утраченной родины, не только как «родины предков», «кочка родной земли», но и как далёкого Китая – родителя, великой страны, находящейся в тяжёлом положении. Му Мутянь, как немногие его собратья по перу, смог не только вобрать в своё творчество эстетику инокультурной традиции (японской и французской), но и с обострённым сыновним чувством при

помощи «чужих» приёмов сказать новое слово о своём, «кровном» ощущении неразрывной связи с Родиной.

В годы «культурной революции» творчество Му Мутяня практически предано забвению – как врага и оппортуниста, «японского выкорымыша» и буржуазного ренегата. Между тем проблемы, затронутые в его лирике, в настоящее время важны не только с точки зрения исследования революционной поэтики художников-новаторов легендарной эпохи развития Китая и общественной мысли 20–40-х гг. XX в. Несомненный интерес представляет проблема формирования этнического и национального сознания в те годы, складывание образов восприятия инокультуры и самовосприятия. Данные аспекты определяют новизну и актуальность работы.

Предметом исследования стал образ родины в лирике Му Мутяня, анализируемый на материале лирических произведений, вошедших в сборник «Дрейфующее сердце» (кит. «旅心»).

Методология и методы исследования. Авторы использовали биографический, культурно-исторический и структурно-семантический методы при анализе текстов Му Мутяня; обращались к сопоставительному анализу перевода и оригинала исследуемых стихотворений.

Лексико-семантический анализ художественных текстов опирается на русские, китайские и русско-китайские словари («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, словарь «Синь Хуа», «Большой китайско-русский словарь» и др.).

Биография и художественный метод Му Мутяня исследуются сквозь призму работ китайских исследователей-литературоведов: Лю Цаймэя [7], Лю Цзина [8; 9], Пэн Яжу [11], Со Жунчан [12] и др.

Результаты исследования и их об- суждение. Му Мутянь (Му Цзинси – имя по- эта при рождении, 1900–1971) – китайский поэт и переводчик, родился в селе Каошань уезда Итун провинции Цзилинь. В детстве мальчик занимался с частным учителем, по- лучил классическое образование. Накануне событий «Движение 4 мая» он обучался в средней школе Нанькай, испытав влияние патриотических настроений того времени.

В 1918 г. за счёт государства уехал учиться в Японию, в 1926 г. окончил уни- верситет в Токио. В 1921 г. присоединился к литературной ассоциации «Творчество» [6, с. 89]. В молодости, как все юноши того вре- мени, Му Мутянь видел залог процветания Китая в развитии промышленности, мечтая стать учёным, инженером, но из-за проблем со зрением не смог пойти в науку. В те же

годы под влиянием «Движение 4 мая» он на- чал интересоваться литературой. В 1926 г. вернулся в Китай и стал работать профес- сором в университете Чжуншань и Цзилинь- ском университете. В 1931 г. присоединился к Лиге левых писателей Китая в Шанхае, где отвечал за работу поэтической группы и уча- ствовал в создании Китайского поэтического общества. Позже работал профессором Пе- дагогического университета Гуйлиня и уни- верситета Тунцзи, адъюнкт-профессором Цзинаньского и Фуданьского университетов, профессором Северо-Восточного педагогического университета и Пекинского педаго- гического университета. В 1952 г. вступил в Ассоциацию китайских писателей. Извест- ные сборники стихотворений: «Дрейфую- щее сердце» (1927), «Песнь изгнанников» (1937), «Новое путешествие» (1942) и др.

Му Мутянь
Mu Mutian

Сборник «Дрейфующее сердце» (1927)
Collection “Drifting Heart” (1927)

Одним из преподавателей Му Мутяня во время обучения в Третьем колледже Киото, а затем – в Императорском университете Киото был известный теоретик литературы и искусства Хакусон Куриягава, ставший его наставником и в поэзии. «Десять лекций по литературе периода новой истории» Хакусо- на Куриягавы сыграли важную роль в станов- лении Му Мутяня как литератора. Позднее он вспоминал о том времени, когда отошёл от технических наук и обратился к литературе: «Хотя я (Му Мутянь) уже интересовался ли- тературой, но на тот момент успел прочесть лишь некоторые труды о ней, такие, как “Де- сять лекций по литературе периода новой истории”, “Основные лекции по литературной

энциклопедии”, “Двенадцать лекций по соци- альным вопросам”, “Шесть лекций о мыслях периода новой истории” и др.»¹. В Импера- торском университете Му Мутянь застал «зо- лотую эру» преподавания французской ли- тературы. Китайский исследователь Лю Цзин отмечал: «Взгляды Хакусона Куриягавы вли- яли на Му Мутяня, подтолкнув к символиз- му. Поэзия Му Мутяня фактически является прямым отражением поэтической концепции Хакусона Куриягавы» [9].

Но первоочередное влияние на твор- чество поэта оказали японская литература

¹ Му Мутянь. Моя творческая жизнь // Поэзия Му Мутяня / Цай Цинфу, Му Лили. – Чанчунь. Изд-во ли- тературы и искусства, 1985. – С. 199.

и эстетика. Лирика Му Мутяня ориентирована на японский эстетический принцип "монопоaware"¹. Мотоори Норинага (本居宣長) определяет понятие *моно-но аварэ* (англ. "monoaware", кит. «物哀») следующим образом: «Среди различных человеческих эмоций только тоска, печаль и грусть есть те вещи, которые более всего могут растрогать людей» [по: 5]. Е Вэйцью подчёркивает: «Следовать монопоaware – это значит описывать самые трогательные и волнующие вещи – и эмоции, которые вызывают эти вещи в душе человека» [4]. Эстетика японской литературы пронизана тем, что называют «японской грустью». Понятия «упадок» и «расцвет» являются для японцев неразрывно связанными, всегда сопровождающими друг друга. Когда символизм распространился в Японии и соединился с традицией *моно-но аварэ*, он обрёл сильный эстетский и декадентский колорит [8].

В книге «Моя творческая жизнь» Му Мутянь вспоминал о том, как в Японии он попал в атмосферу романтизма, но не был этим удовлетворён – и не мог «романтизмом» зарабатывать на жизнь. Поэтому поэт обратил свой взгляд в сторону французской литературы, прежде всего, французского символизма². Ван Чжунчэнь обозначил путь французского влияния на лирику Му Мутяня: «Му Мутянь изучал французскую литературу в Японии, и Япония стала для него проводником в литературный мир. Атмосфера отделения французской литературы в университете Токио, где учился Му Мутянь, очень сильно повлияла на его художественное сознание, особенно на его раннем этапе творчества» [3, с. 223].

Это был очень важный этап литературного пути Му Мутяня [9; 13]. Свой выбор Му Мутянь объяснял тем, что испытывал чувство одиночества, упадка и печали, эти эмоции заставили его обратиться к символистскому направлению [14, с. 368]. Поэт вспоминал: «В Токио, летом, когда я посту-

¹ Моно-но аварэ (от яп. 物の哀れ, «печальное очарование вещей») – эстетический принцип, характерный для японской культуры, начиная с периода Хэйан. Моно-но аварэ буквально можно перевести как «печаль, горе, жалость, сострадание к вещам и предметам», по смыслу как «чувствительность к эфемерному», «печальное очарование вещей, жизни или мира» или «жизнеутверждающее, светлое, нежное, но при этом грустное и тоскливое созерцание мира и всего того, что есть в нём». См.: Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. – М.: Наука, 1979. – 368 с.

² Му Мутянь. Моя творческая жизнь // Поэзия Му Мутяня / Цай Цинфу, Му Лили. – Чанчунь. Изд-во литературы и искусства, 1985. – С. 199.

пил в университет, произошло сильное землетрясение. В октябре я вернулся из Китая и увидел, что от Токио остался лишь пепел, здания обвалились, всё выглядело разрушенным, но в моих глазах это было прекрасно. Такой красоты я никогда не встречал, в этих грязных руинах я увидел поэзию. Помню, в то время я читал французских поэтов – Gourmont (Анри Гурмона), Sharman, Morias (Жан Мореас), Maitlin, Verhalin (Поля Верлена), Louis, Podolaire (Шарля Бодлера) и других, я горячо люблю этих поэтов символизма и декаданса» [10].

Личная жизненная ситуация усиливала чувства поэта. В прошлом его семья была весьма состоятельна, владела ста цинами плодородных земель, различными магазинами. Однако это был выморочный род – все предки вплоть до отца поэта курили опиум, играли в азартные игры на деньги, растрачивая состояние семьи. На отца Му Мутяня возлагались надежды, на короткое время в семью благодаря ему вернулся достаток, но вскоре семья разорилась. «Печаль об упадке класса помещиков» – такими словами Му Мутянь охарактеризовал историю упадка собственной семьи [14]. На глазах молодого поэта семейное гнездо было разрушено, он увидел старый и обветшалый большой дом, заросший сорняками двор, картину полного запустения: «Мои мечты были разбиты, и я чувствовал, что в жизни нет выхода... я ощущал, что моя жизнь находится в состоянии упадка»³.

Поэзия французского символизма оказалась соприродна внутренним переживаниям Му Мутяня. Когда будущий поэт писал дипломную работу, в качестве объекта исследования он выбрал творчество поэта-символиста А. Самайна [Там же]. С 1920-х по 1940-е гг. Му Мутянь погрузился в искусство стихосложения, упорно совершенствовался в поэтике. В это время он читал много символистских стихов, скрупулёзно исследовал теорию поэзии символизма.

Му Мутянь писал: «Мир поэзии – это мир подсознательного. Поэзия должна обладать огромной силой намёка. Поэзия проявляется и в обычной жизни, но заключена в её глубинах. Поэзии нужен намёк, объяснения для неё недопустимы. Объяснение – часть мира прозы. За поэзией должна стоять глубокая философия, но поэзия не может объяснить философию» [1].

³ Там же. – С. 215.

Так появляется сборник стихов «Дрейфующее сердце» (1927), а в 1930 г. – «Песнь изгнанников», созданная уже в духе реализма. В 1940-х гг. Му Мутянь решил объединить реализм и романтизм, итогом его упорного труда становится сборник «Новое путешествие» [7].

В сборник «Дрейфующее сердце» (кит. «旅心») вошло 31 стихотворение, написанное автором до 1927 г. Метафорическое название книги состоит из двух лексем. Слово «дрейфующий» (от кит. 旅 – «путешествовать, дрейфовать, скитаться») – это причастие, образованное от глагола «дрейфовать». Словари дают этому глаголу различные толкования¹. В целом «дрейфовать» означает «отклоняться от курса и быть сносимым (ветром или течением)», «изменять направление движения под действием более значимых сил, находиться в движении не по собственному желанию». В названии сборника слово «дрейфующий» используется в переносном значении: сердце поэта дрейфует – находится в состоянии нестабильности, под влиянием

различных обстоятельств как бы движется не в ту сторону. Состояние «дрейфа», неприкаянности, в котором находится сердце лирического героя сборника, обусловлено в первую очередь именно оторванностью от родных мест, причиняющей страдания лирическому герою. Такая трактовка связана с тем, что большинство стихотворений в сборнике написано автором, когда он учился в Императорском университете Токио в Японии, был странником, оторванным от родимой земли, а странники всегда тоскуют по дому.

В данной работе мы рассматриваем четыре наиболее знаковых стихотворения сборника, они выражают семантическое наполнение и развитие образа родины в лирике поэта тех лет: «Опадающие цветы», «Бледный колокольный звон», «Песня нищего» и «С путешественником – по дороге в Мусасино»².

Стихотворение «Опадающие цветы» («落花») написано Му Мутянем 9 июня 1925 г. и явно несёт в себе черты символистской эстетики [11]:

<...> Цветы опадают, укрывая лепестками мхи,
уединенную тропу, камни, песок.
Цветы опадают, принося белый печальный сон
к покойному дому.
Цветы бесцельно опадают под каплями дождя (букв.:
опираясь на ласковое запястье руки дождя).
Цветы опадают, запечатлевая на губах благоухание
поцелуя. Ах, не заставляй их пробуждаться.

Ах, не разбуди их, не буди опадающие цветы.
Пусть лепестки *одиноко кружатся, кружатся,
кружатся в воздухе.*
В нашем сердце, в наших глазах, *повсюду – песню
пусть поют о родине.*
Ах, в конце концов, где находится родина человека?
Ах, как спокойно слушать, как опадают цветы.

Сестра, давай, мы будем внимать всем сердцем:
белые цветы опадают так незаметно.
Ты нежно опираешься на мою руку, затаив дыхание
слушаешь их песню:
*«Не забывайте о горных вершинах, о берегах реки.
Повсюду – ваша родина, вы сами повсюду –
опадающие цветы».*

9 июня 1925 г.

落花掩住了藓苔幽径石块沉沙
落花吹送来白色的幽梦到寂静的人家
落花倚着细雨的纤纤的柔腕虚虚的落下
落花印在我们唇上接吻的余香啊不要惊醒了她

啊不要惊醒了她不要惊醒了落花
任她孤独的飘荡飘荡飘荡飘荡在
我们的心头眼里歌唱着到处是人生的故家
啊到底哪里是人生的故家啊寂寂的听着落花，

妹妹你愿意吧我们永久的透着朦胧的浮纱
细细的深尝着白色的落花深深的坠下
你弱弱的倾依着我的胳膊细细的听歌唱着她
“不要忘了山巅水涯到处是你们的故乡到处你们是落花”

1925年6月9日

¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – 1-е изд. – СПб.: Норинт, 2006. – 1536 с.; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – 912 с.; Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук, Институт русского языка, Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.

² Мусасино – город в центральной части района Канто (Япония).

Образ опадающих цветов выражает чувства лирического героя. Вырванные из родной почвы, они перевезены в чужие края и обречены на умирание. Чувство одиночества, бесприютности, приписываемое опадающим цветам, выражает эмоции молодого студента, покинувшего родную землю и живущего на чужбине. Печальная, безнадёжная атмосфера усиливается за счёт использования слов и словосочетаний «бесшумно», «бесцельно», «печальный сон», «к покойному дому». Глагол «飘荡» («носиться в воздухе», «гонимый ветром» и др.) определяет отсутствие чувства принадлежности: лирический герой и сам, как лепесток увядающего цветка, не имеет пристанища. «Не забывайте о горных вершинах, о берегах реки. Повсюду – ваша родина, вы сами повсюду – опадающие цветы», – такую песню поют цветы, умирая. Экзистенциальное состояние принадлежности к родной земле/отказа от этой принадлежности воплощает маргинальные ощущения китайского студента, мигрирующего по свету. Образ родины здесь, безусловно, имеет для него про-

<...> Звон старинного колокола рассеивается в речных волнах, искрясь,
Звон старинного колокола слышится в серо-зелёных кронах (серебристых) тополей.
Звон старинного колокола слышится в свисте ветра, –
Блики луны блуждают, блуждают –
Звон старинного колокола улетает в облака.

<...> Мягкий звон старинного колокола летит вслед волнам лунного света,
Мягкий звон старинного колокола рассеивается по Вселенной,
– О, далёкий звон старинного колокола –
это эхо песни древней земли,
Тихий звон старинного колокола – эхо песни о родине,
Далёкий звон старинного колокола рассеивается по бескрайней земле.

Слушайте, как звон разбитого, развалившегося старинного колокола
Разлетается по бескрайним просторам желтеющей долины,
Опавшие листья и увядшие травы летят вслед за северным ветром,
Слушайте тысячу раз этот звон – неясный, неясный –
В сумраке ущелья слушайте старого истлевшего колокола лживый, неясный, вечно родной колокольный звон.

Токайдо, 2 января 1926 г.

странственную (ландшафтную) и эмоциональную закрепленность, это земля, где оставлены «корни» – «предки», родные люди, истоки всего сущего.

В стихотворении «Бледный колокольный звон» «苍白的钟声» суггестивность становится определяющим приёмом, передавая сентиментальные чувства через звучание колокола. Название стихотворения, очевидно, отсылает к китайской классической поэзии, где образ колокольного звона традиционно используется для выражения чувств лирического героя. С помощью этого образа в древней поэзии выстраивается лирический хронотоп, раскрываются любовные переживания [12]. В стихотворении поэта династии Тан Ван Вэя «Посещая храм Сянцзи» («过香积寺») читаем: «Древние деревья возвышаются к небу, но нет пешеходной дорожки / Где в горах зазвучал колокольный звон» («古木无人径, 深山何处钟»). «Сумеречный колокольный звон» как знак печали появится в стихотворении Лю Чжанцина «Провожая Лин Чэ¹» («送灵澈上人») и т. д.

Рассмотрим стихотворение «Бледный колокольный звон» Му Мутяня:

古钟飘散在水波之皎皎
古钟飘散在灰绿的白杨之梢
古钟飘散在风声之萧萧
-月影迢迢迢迢-
古钟飘散在白云之飘飘

软的古钟飞荡随月光之波
软软的古钟绪绪的人带带之银河
-呀远远的古钟反响古乡之歌
渺渺的古钟反映出故乡之歌
远远的古钟入苍茫之乡无何

听残朽的古钟在灰黄的谷中
入无限之茫茫散淡玲珑
枯叶衰草随呆呆之北风
听千声万声-朦胧朦胧-
荒唐茫茫败废的永远的故乡之钟声
听黄昏之深谷中

1926年1月2日 东海道上

¹ Лин Чэ – известный поэт-монах из династии Средней Тан.

Образ колокольного звона проходит через всё стихотворение. Для описания его звучания поэт использует синестетические эпитеты 苍白 («бледный», «безжизненный», «немогущий»), 荒唐 («лживый») и др. Кроме того, поэт использует немало эпитетов, обозначающих цвета и неотделимых от эмоций лирического героя: бледный, серо-зелёный, желтоватый. Колористика стихотворения усиливает гнетущую атмосферу, ощущение безысходности и безнадёжности. Синестетические приёмы французского символизма вкупе с полисемантическими особенностями китайского языка передают сложные душевные движения лирического героя, тоскующего по родине.

Колокольный звон «рассеивается (рассыпается) в речных водах», «слышится в серо-зелёных кронах тополей», «в свисте ветра», «в белых облаках», что передаёт ощущение свободы, полёта – без направления и ограничений. Туда, вслед за звоном колокола, рвётся душа лирического героя. Приписывая колоколу человеческие чувства, поэт транслирует собственные эмоции – стремление посредством звучания прикоснуться к родной земле и опозитивированной родной реальности. «Бледный колокольный звон» становится сложным пространственно-ви-

Нищий вошёл в деревню,
Нищий остановился на дороге через поле,
Тихо поёт нищий:
«Ах, это награда для бедных,
Любое место – это наша родина.

Родина – на пустынной переправе.
Родина – на стенах старого города
Родина – рядом с ночным прудом.
Ах, это награда для бедных,
Любое место – это наша родина.

Зелёная ива – мой шатёр,
Травы – моя лёгкая кровать,
В поздней ночи всё ещё можно слышать пение иволги,
Ах, это награда для бедных,
Любое место – это наша родина.

<...> Дети, отражающиеся в воде, похожи на моего сына,
Старики похожи на моих родителей,
Все вокруг похожи на моих любимых,
Всех я обнимаю, как юных дев.
Ах, это награда для бедных,
Любое место – это наша родина».

<...> Нищий вошёл в деревню,
Нищий идёт по дороге через поле,
Тихо поёт нищий:
«Ах, это награда для бедных,
Любое место – это наша родина».

зуально-слуховым образом. Описание окружающей героя действительности не столь лирично: «запах сырой рыбы разносится вдоль побережья», «заброшенная тропа» заросла сорняками... Здесь он не может найти пристанища.

В предпоследней строфе «мягкий звон», «тихий звон» – это «эхо песни о родине». В последней же строфе поэт описывает «звон разбитого, развалившегося старинного колокола», «неясный, лживый», но «вечно родной» колокольный звон. Данная антитеза создаёт резкий контраст между мечтой лирического героя о далёкой родной земле и реальностью: в ней он один на чужбине – и только звон старинного колокола напоминает ему о родине, даря надежду, но она ложна. Метонимический звуковой символ объединяет своим семантическим полем все пределы и пейзажные образы огромной родины поэта, и здесь перед нами уже проступают черты географического образа большого объёма. Это – предтеча представлений о пространственном величии Китая как единой территории.

Лирический герой стихотворения «Песня нищего» («乞丐之歌») – странник-бродяга, у которого нет своего дома, потому для него «любое место» – родина.

乞丐走进了村庄
乞丐在田间的道上
乞丐轻轻的歌唱
“啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡

“家乡在荒渡的渡头
家乡在古城的城上
家乡傍那里朦胧的池塘
啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡

“翠柳是我的天帐
牧草是我的轻床
深更里还听得见黄鹂唾醒的歌唱
啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡

<...> “水里的娃娃都像是我的儿郎
老年的翁姬都像是我的爹娘
都像我的爱人我都像抱过 妙龄的女郎
啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡”

<...> 乞丐走进了村庄
乞丐在田间的道上
乞丐轻轻的歌唱
“啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡”

Слово «нищий» («乞丐») в китайском языке обозначает людей, живущих подаянием¹, обычно у них нет ни денег, ни дома, ни собственности. Нищий в китайском сознании ни в коей мере не может быть романтизирован этническим сознанием (в отличие от русского пристрастия к «вольнице» и романтизации «босячества»). Для китайца нищие – жалкие люди с низким статусом, мало того, что они неимущие – нищие не родились и не жили в местах своих скитаний, это не земля их предков. Поэт же в духе символистской эстетики воспекает именно бесприютность и одновременно – «всеприютность» нищих, которые ходят, куда хотят, и куда бы они ни пришли – везде их родина.

Стремясь к далёкому небосклону,
Стремясь к далёким рубежам,
Стремясь к беспорядочно растущему серо-зелёному лесу,
Стремясь на запах едкого табачного дыма –
Путешественник шёл по бесконечной желтоватой тропе.
Много раз спрашивал дорогу, подходя к зеленеющим огородам,
крестьянским полям.
Путешественник, иди вперёд, смотри в безграничные дали.
Путешественник, где твоя родина, где мой родной город?

Не забывай о нашей водосточной канаве,
Не забывай о нашем предместье,
Не забывай о наших старых коровах, привязанных у воды,
Не забывай о нашей тележке с едой, нашем силуэте со спины,
нашем Лайу².
Путешественник шёл по склонам и холмам.
Он спрашивал всех людей на всех улицах во всех городах.
Путешественник, иди вперёд, в необъятную вселенную,
Путешественник, не спрашивай, где радость, а где печаль.

Путешественник (и его *alter ego* – «лирический герой») постоянно слышит наставления и увещевания не забывать о родных краях и том, что он в них оставил – старых коров, водосточную канаву, тележку с едой и т. д. Родина здесь воплощена в конкретных «вещных» образах, очень приземлённых, оттого – особенно уютных и близких, словно сошедших с полотен го-хуа и нянь-хуа. Драматизм заключён в последних строках обеих строф: «Путешественник, иди вперёд, смотри в безграничные дали. / Путешественник, где **твоя** родина, где **мой** родной город?»; «Путешественник, иди вперёд, в необъятную вселенную, / Путешественник, **не спрашивай, где радость, а где печаль**». В заключительных стихах первой строфы лирический герой и

Автор сравнивает ветви ивы с шатром, траву – с кроватью, подобные образы призваны создать иллюзию дома, таким образом, для лирического героя, у которого нет настоящего дома, дом – повсюду. Возможно, к написанию подобного текста поэта подтолкнули попытки прекратить свои скитания, стремление обрести родное пристанище на чужбине. Не случайно рефреном в стихотворении звучат строки: «Ах, это награда для бедных, / Любое место – это наша родина».

В заключение рассмотрим стихотворение Му Мутяня «С путешественником – по дороге в Мусасино» («与旅人-在武藏野的道路上»):

奔遥遥的天边
奔渺渺的一线
奔杂杂乱乱灰绿的树丛
奔雾瘴瘴的若聚若散的野烟
旅人呀踏破了走不尽头的淡黄的小路
问遍了点点的村庄青青的菜圃满目的农田
旅人呀前进望茫茫的无限
旅人呀哪里是你的家乡哪里是我的故园

不要忘记我们的水沟
不要忘记我们的桥头
不要忘记田边水上拴着我们的老牛
不要忘记我们的菜车我们的背影我们的菜茼
旅人呀走过了那漫坡坡的小丘
问遍了那里的镇市那里的人家那里的街头
旅人呀前进对茫茫的宇宙
旅人呀不要问哪里是欢乐而哪里是哀愁

его спутник задаются вопросом о том, где их («твоя» и «моя») родина. Вторая же строфа подводит к печальному итогу: путь не имеет конца, нужно двигаться сквозь вселенную, ответа на вопрос о том, где находится родной дом, – нет...

Все рассмотренные стихотворения отвечают принципу японской эстетики – *мононоaware*, который упоминался ранее и на который, согласно мнению исследователя Лю Цзина, опирается творчество Му Мутяня. Однако лирика Му Мутяня – это не только стилизация эмоций в синтезе французской и японской эстетики. Это ещё и отражение сложной рефлексии духовной универсалии «родина» в её корреляции с понятием «чужбина» поэтом, чья земля в данный момент топчется сапогами жестоких захватчиков, а он не может ей помочь.

Заключение. Образ родины в стихотворениях сборника «Дрейфующее сердце» Му

¹ Словарь «Синь Хуа». – Пекин: Коммерческая типография, 2001. – С. 771.

² Лайу – город в провинции Шаньдун.

Мутяня проявляется чаще иносказательно, аллегорически. Символом родины становится бледный колокольный звон, опадающие цветы, лепестки которых срывает ветер, шатёр из ивовых ветвей у нищего, для которого всюду – иллюзия дома, бесконечный путь путешественника. Эти образы предполагают движение без цели, без конечной точки, они «дрейфуют» под гнётом обстоятельств. Сам образ родины в стихотворениях поэта – «дрейфующий», скитальческий. Сердце лирического героя мечется между родиной и чужбиной, нет ему пристанища, а он сам в постоянном движении. Автобиографический контекст такого образного ряда очевиден: жизнь на чужбине, в Японии, не была Му Мутяню в радость, он тосковал по дому, по родным местам, родным людям, родной культуре. В каждом из рассмотренных стихотворений лирический герой находится в «дрейфе», он – неприкаянный бездомный скиталец, не находящий своего

места, но всё жаждущий его обрести на родине.

Несмотря на тесную связь лирики Му Мутяня 20–30-х гг. с принципом *topoaware*, эстетизирующим печаль, и эстетикой французского символизма, стихотворения сборника «Дрейфующее сердце» отражают важнейший этап формирования в китайском культурном сознании представлений о любимой родине, её независимости и силе, её самобытности во всех проявлениях. Открывшие для себя «чужой» мир китайские поэты и писатели в те годы осознают необходимость возрождения и развития единого сильного Китая, способного вобрать инокультурную традицию и усвоить её на свой манер.

Таким образом, творчество китайского поэта Му Мутяня, безусловно, представляет интерес для дальнейших исследований в контексте развития современной китайской литературы и преломления в ней европейских модернистских тенденций.

Список литературы

1. О поэзии – письмо Го Можо // Избранные произведения литературной критики Му Мутяня. 1926. Вып. 3. С. 140. @ @ «谭诗-寄给郭沫若的一封信», «穆木天文学评论选集», 1926, (3) 第, 140 页。
2. Бао Юй. Я не вернувшийся, а прохожий – высоко оценивая «Бледный колокольный звон» Му Мутяня // Литературная эпоха. 2013. Вып. 2. С. 220–221. @ @ 鲍雨.我不是归人,是个过 – 品读穆木天《苍白的钟声》[J].时代文学(下半月), 2013 (02) 第, 页 220–221。
3. Ван Чжунчэнь. Исследование образа Му Мутяня как японского агента в литературе // Журнал «Ли Юнь». Серия «Литература». 2006. № 2. С. 214–225. @ @ 王中忱.日本中介与穆木天的早期文学观杂考.励耘学刊(文学卷), 2006 (01), 页 214–225。
4. Е Вэйцуй. История японской литературной мысли // Экономическая ежедневная пресса. 1997. С. 136. @ @ 叶渭渠.日本文学思潮史 [M]. 经济日报出版社, 1997. 页 136。
5. Е Вэйцуй. Комментарий к Кавабате Ясунари. Пекин: Китайская академия социальных наук, 1989. С. 213. @ @ 叶渭渠.川端康成评传 [M]. 中国社会科学出版社, 1989. 页 213。
6. Ли Цзянь. О Му Мутяне и группе «Творчество» // Журнал Университета Чжуншан. Серия «Общественные науки». 1991. Вып. 4. С. 88–96. @ @ 李江论穆木天与创造社,中山大学学报(社会科学版) 1991. 年第四期, 第 4, 页 88–96。
7. Лю Цаймэй. О поэтическом творчестве Му Мутяня // Дополнительное школьное образование в Китае. 2014. № 3. С. 33. @ @ 刘彩梅.论穆木天的诗歌创作[J].中国校外教育. 2014. № 3. 页 33。
8. Лю Цзин. «Дрейфующее сердце», «Фонарь из красной пряжи» и японская культура // Вестник Чунцинского педагогического университета. Серия «Философия и общественные науки». 2011. № 2. С. 17–20. @ @ 刘静.《旅心》、《红纱灯》与日本文化[J].重庆师范大学学报(哲学社会科学版), 2011. № 2. 页 17–20。
9. Лю Цзин. Влияние Японии на формирование творчества Му Мутяня // Вестник Чунцинского университета искусств и наук. Серия «Общественные науки». 2010. № 29. С. 28–30. @ @ 刘静.穆木天文学起点与日本因素[J].重庆文理学院学报(社会科学版), 2010, № 29. 页 28–30。
10. Му Мутянь. Воспоминание о моём поэтическом творчестве: сборник «Песнь изгнанников» // Современность. 1934. Т. 4, вып. 4. @ @ 穆木天:《我的诗歌创作之回顾-诗集流亡者之歌代序》, 原载 1934年2月1日《现代》月刊第四卷第四期。
11. Пэн Яжу. Повсюду – человеческий дом: комментарий к «Опадающим цветам» Му Мутяня // Журнал Кайфэнского профессионального колледжа культуры и искусства. 2020. № 40. С. 32–33. @ @ 彭亚茹.到处是人生的故 – 评穆木天《落花》[J].开封文化艺术职业学院学报, 2020. № 40. 页 32–33。
12. Со Жунчан. Обильная коннотация, полезные исследования: ранние символические стихи Му Мутяня и его «Бледный колокольный звон» // Признательность за шедевр. 1989. Вып. 6. С. 20–24. @ @ 索荣昌.丰富的蕴涵有益的探索 – 穆木天早期象征派诗和他的《苍白的钟声》名作欣赏, 1989. (06). 页 20–24。

13. Чэнь Чунь, Лю Сяньюй. Я и литература // Избранные произведения литературной критики Му Мутяня. Пекин: Изд-во Пекинского пед. ун-та, 2000. С. 427. @@ «我与文学», 见陈淳、刘象愚选编《穆木天文学评论选集》, 北京师范大学出版社 2000 年版, 第 427 页。

14. Чэнь Чунь. Му Мутянь и символизм // Мировая литература и Китай в эпоху глобализации. 2000. С. 367–369. @@ 陈淳穆木天与象征主义全球化时代的世界文学与中国, 2000, 页 367–379。

15. Фэн И. Формирование понятия «Родина» в этническом сознании китайцев (по материалам словарей и текстов классической литературы) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая / под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. 2020. Вып. 13. С. 237–246.

Информация об авторах

Цмыкал Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: olgatsmykal@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7622-7437>.

Фэн Ишань, аспирант, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: 1024495050@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-5823-1889>.

Вклад авторов

О. Е. Цмыкал – основной автор, выполнил имманентный анализ художественных текстов.

Фэн Ишань выполнил историко-литературные и биографические реконструкции творчества Му Мутяня.

Для цитирования:

Цмыкал О. Е. Фэн Ишань. Образ родины в лирике поэта Северо-Восточного Китая Му Мутяня (на материале стихотворений сборника «Дрейфующее сердце») // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 36–46. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-36-46.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 21.01.2022.

References

1. "About poetry – a letter of Guo Moruo". Selected works of literary criticism by Mu Mutian, 1926, vol. 3: 140. (In Chin.)
2. Bao Yu. I am not a comeback, but a passer-by – appreciating Mu Mutian's "Pale Bell Ringing". Literary Epoch, pp. 220–221, vol. 2, 2013. (In Chin.)
3. Wang Zhongchen. Investigation of the image of Mu Mutian as a Japanese agent in literature. Li Yun magazine (Series: Literature), no. 2, pp. 214–225, 2006. (In Chin.)
4. Ye Weiqui. History of Japanese literary thought. Economic daily press, 1997. (In Chin.)
5. Ye Weiqui. Commentary on Kawabata Yasunari. Chinese Academy of Social Sciences, 1989. (In Chin.)
6. Li Jiang. About Mu Mutian and the Creativity Group. Journal of Zhongshan University (Series: Social Sciences), no. 4, pp. 88–96, 1991. (In Chin.)
7. Liu Tsaimi. On the poetry of Mu Mutian. Additional school education in China, no. 3, pp. 33, 2014. (In Chin.)
8. Liu Jing. "Drifting Heart", "Red Yarn Lantern" and Japanese Culture. Journal of Chongqing Normal University (Series: Philosophy and Social Sciences), no. 2, pp. 17–20, 2011. (In Chin.)
9. Liu Jing. The influence of Japan on the formation of Mu Mutian's creativity. Journal of the Chongqing University of Arts and Sciences (Series: Social Sciences), no. 29, pp. 28–30, 2010. (In Chin.)
10. Mu Mutian. "Recollection of my poetry – collection" "Song of the Exiles". Journal "Modernity", vol. 4, is. 4, 1934. (In Chin.)
11. Peng Yazoo. Everywhere there is a human home. Commentary on "Falling Flowers" by Mu Mutian [J], no. 40, pp. 32–33, 2020. (In Chin.)
12. Suo Rongchang. Abundant connotation, useful research – Early symbolic poems by Mu Mutian and his "Pale Bell Ringing". Appreciation for the Masterpiece, vol. 6, pp. 20–24, 1989. (In Chin.)
13. Chen Chun, Liu Xianyu. Me and Literature. Selected Works of Literary Criticism Mu Mutian. Peking Normal University Press, 2000: 427. (In Chin.)
14. Chen Chun. Mu Mutian and symbolism. World literature and China in the era of globalization. 2000: 367–369. (In Chin.)
15. Feng I. Formation of the concept of "Homeland" in the ethnic consciousness of the Chinese (based on materials from dictionaries and texts of classical literature). Russia and China on the Far Eastern borders. Peoples and Cultures of Northeast China. Ed. by A. P. Zabyako, A. A. Zabyako, 2020, Is. 13: 237–246. (In Rus.)

Information about authors

Tsmykal Olga E., Candidate of Philological Sciences, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia; e-mail: olgatsmykal@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7622-7437>.

Feng Yishan, Postgraduate Student, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia; e-mail: 1024495050@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-5823-1889>.

Contribution of authors

O. E. Tsmykal – the main author, an immanent analysis of literary texts.

Feng Yishan – historical, literary and biographical reconstructions of Mu Mutian's work.

For citation

Tsmykal O. E., Feng Yishan. The Image of the Homeland in the Lyrics of the Poet of Northeastern China Mu Mutian (Based on the Poems from the Collection *Drifting Heart*) // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 1. PP. 36–46. DOI: [10.21209/1996-7853-2022-17-1-36-46](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-1-36-46).

Received: December 15, 2021; approved after reviewing January 18, 2022; accepted for publication January 21, 2022.